

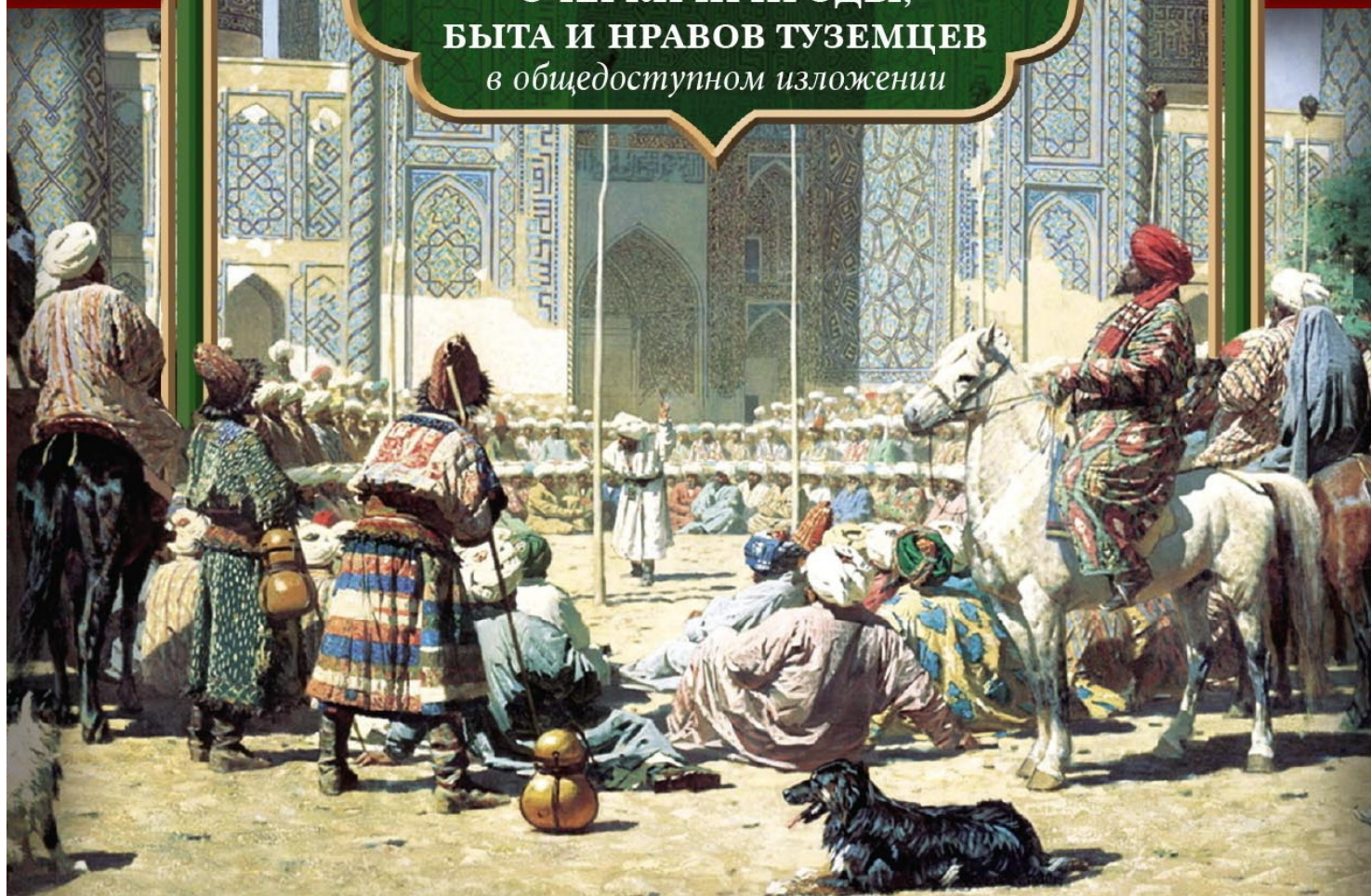
К О Н С Т А Н Т И Н   А Б А З А

# ЗАВОЕВАНИЕ

# ТУРКЕСТАНА

СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ ПРИВЕЛИ К ОКОНЧАТЕЛЬНОМУ ПРИСОЕДИНЕНИЮ  
ТУРКЕСТАНА К РОССИИ В XIX ВЕКЕ

**РАССКАЗЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ,  
ОЧЕРКИ ПРИРОДЫ,  
БЫТА И ПРАВОВ ТУЗЕМЦЕВ**  
*в общедоступном изложении*



Константин Абаза

**Завоевание Туркестана. Рассказы  
военной истории, очерки природы,  
быта и нравов туземцев в  
общедоступном изложении**

«Центрполиграф»

1888–1900

УДК 94(575.4)  
ББК 63.3(5 Тур)

## **Абаза К. К.**

Завоевание Туркестана. Рассказы военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев в общедоступном изложении / К. К. Абаза — «Центрполиграф», 1888–1900

ISBN 978-5-227-10266-9

Книга военного писателя и педагога Константина Абазы знакомит современного читателя с историей присоединения к Российской империи обширных территорий Центральной Азии. Процесс проникновения русских в эти древние земли начался ещё при Петре I. Поход в Хивинское ханство отряда Бековича-Черкасского оказался неудачным, и после этого, почти на сто лет прекратилось активное продвижение в этот регион. Начиная с 30-х годов XIX века Российская империя начала активно действовать в Туркестане, где было три основных государства — Хива, Коканд и Бухара, и к 1881 году основные земли Туркестана вошли в состав империи в виде семи областей. Книга живо рисует историю завоевания края, на территории которого в настоящее время появилось пять независимых государств, активному развитию которых способствовало их вхождение как в состав Российской империи, так и СССР. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(575.4)  
ББК 63.3(5 Тур)

ISBN 978-5-227-10266-9

© Абаза К. К., 1888–1900  
© Центрполиграф, 1888–1900

## Содержание

Предисловие	9
Первые походы в Хиву	11
Поход князя Бековича-Черкасского	11
Зимний поход графа Перовского в 1839–1840 гг	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Константин Абаза**  
**Завоевание Туркестана. Рассказы военной**  
**истории, очерки природы, быта и нравов**  
**туземцев в общедоступном изложении**



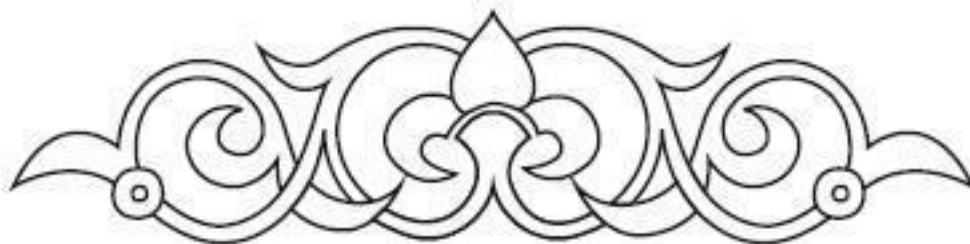


Москва  
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

## Предисловие



Предлагаемые очерки печатались в журнале «Родник» за 1888–1900 гг. Издавая их отдельной книгой, составитель рассчитывал, что они найдут читателей, интересующихся этой отдаленной окраиной, особенностями быта народа обитающих, наконец, выдающимися трудами и подвигами русских войск. Такое предположение имело за собой то, что при наличии ценных вкладов в военноисторическую литературу, еще отсутствует общедоступное изложение поступательного движения русских в Средней Азии с первых шагов до окончательного замирения края. И если бы составителю удалось пополнить этот пробел, он считал бы себя вполне удовлетворенным.

Все статьи являются здесь просмотренными и значительно дополненными; повторения, неизбежные при разбросанности в книжках журнала, опущены; последняя же статья составлена заново, так как вышедшая (в журнале «Читальня») отдельным изданием брошюра под тем же названием предназначалась исключительно для начальных школ. Как и в предыдущих трудах, составитель держался той же системы в обработке материала, не позволяя себе вымысла или искажений фактов, излагая события по возможности просто и ясно, потому что имелось ввиду дать книге широкий доступ – в семью, школу и в войсковые части. Если в этом отношении не везде соблюдена должная равномерность, то это обстоятельство находится в прямой зависимости от обилия или скудости пособий по ходу той или другой экспедиции.

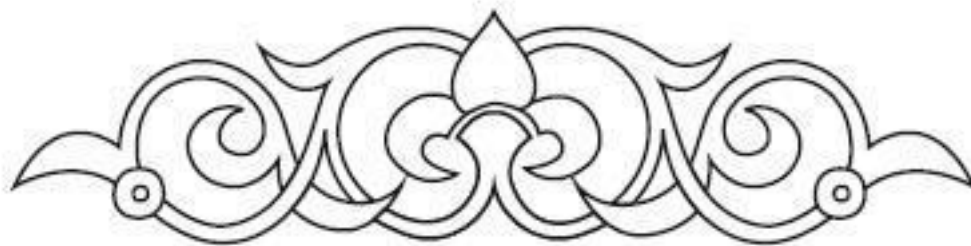
Пособиями в данном случае служили статьи, помещенные в журналах: «Военный сборник» за 1863–1899 гг.; «Вестник Европы» (Середы, Лобысевича, Терентьева, Росселя и др.); «Русский архив» (Захарьина); «Русский вестник» (Львова, Зиновьева, корреспонденции Мак-Гахана); «Исторический вестник» (Полторацкого, Кодинца); «Русская старина» за 1873 г. № 2; «Всемирный путешественник» 1873 г. («Хива и Туркмения»); книги Гродекова «Хивинский поход 1873 года», его же «Ахалтекинский поход», его же «Киргизы и Кара-киргизы»; Макшеева «Исторический обзор Туркестана и наступательное движение русских»; Маслова «Завоевание Ахал-теке»; «Военный обзор» т. III; «Описание военных действий в Заилийском крае и журнал осады коканской крепости Пишпек»; Иванина «Описание зимнего похода в Хиву», его же «Хива и Аму-Дарья»; Никольского «Летние поездки по Туркестану»; С. Гедина «В сердце Азии»; Галкина «Этнографические и исторические материалы по Средней Азии»; Остроумова «Сарты»; Реклю «Земля и люди»; Котельникова «Ферганская область»; Латкина «Закаспийская область»; Вамбери «Очерки Средней Азии».

Рисунки заимствованы из коллекций покойного Г.А. Колпаковского и бывшего туркестанского епископа Неофита; из книг генерала Гродекова, Иванина; из журналов «Всемирная иллюстрация» и «Разведчик».

29 августа 1901 г., г. Измаил  
К. Абаза



## Первые походы в Хиву



### Поход князя Бековича-Черкасского

#### I

Петр Великий воевал со шведами на одной окраине своего государства и в то же время помышлял о другой, прилегающей к Каспийскому морю. Там нужно было сбить шведа, чтобы открыть морской путь в Голландию, Англию и другие страны Запада; здесь он искал выгодных путей в страны восточные. На этой окраине, по мысли великого царя, народы Европы, с одной стороны, и народы Азии, с другой, – могли обменивать свои товары, что шло бы на прибыль и русским. Ближайшие наши соседи со стороны Каспия, хивинцы и бухарцы, с давних времен вели торг с Казанью и Астраханью, где многие из купцов имели свои дворы; их караваны ежегодно ходили в Азию и обратно, оттуда часто являлись послами гонцы хивинские и бухарские. Но Петр Великий понимал, что весь барыш шел в руки азиатов. Голландцы, англичане не ждали к себе купцов, а сами развозили свои товары по свету, оттого и богатели: почему же не могли разбогатеть и наши? – Так думал царь и рассылал своих гонцов в Китай, Персию, Индию. Эта последняя привлекала еще больше, чем бедная Хива или Бухара. Не было завоевателя, не было купца, который бы помышлял попасть в Индию, страну диковин, в надежде поживиться ее богатствами. Думал об этом и наш государь. Он ждал только случая, и такой случай скоро представился.

Один знатный туркмен по имени Ходжа Нефес объявил астраханскому воеводе, что имеет открыть государю дело великой важности. Отправленный в Петербург, Ходжа Нефес сказывал, что в стране, лежащей по реке Аму добывается песочное золото и что в реку Аму можно попасть прямо из Каспия, если перекопать плотину, которую нарочно сделали хивинцы, чтобы отвести реку в Аральское море. Выслушав эти речи, царь припомнил, что 13 лет тому назад у него был хивинский посол, который от имени своего хана просил принять Хиву в подданство. Государь хотя и согласился тогда, но, в заботах о шведской войне, забыл об этом. Теперь Хива представилась ему, как выгодная станция на длинном торговом пути между Индией и нашей окраиной. Желая проведать этот путь и в то же время проверить слова Ходжи Нефеса, а также уговорить хана на вечное подданство, царь приказал снарядить в Хиву посольство под прикрытием войска и с участием торговых людей. Начальником и в то же время главным послом, царь выбрал близкого к себе человека, родом из Кабарды, князя Бековича-Черкасского. Ранней весной 1717 г. в астраханских степях началось движение: воеводы ближних и дальних городов высылали муку, крупу, сазанов или коренных осетров, вино, уксус, лекарства, пушки, порох, снаряды; из Оренбурга шли яицкие казаки, с Кавказа – гребенские, из Кабарды поднялись родные братья Бековича «мурзы черкасские» с большой свитой, из Ногайской земли

потомки ордынцев. Все это направлялось в Астрахань, где купцы выючили свои товары, откуда выезжали в разные стороны гонцы и куда возвращались с ответом. Между прочим, посланные в Хиву Иван Воронин и Алексей, по прозвищу Святой, доносили, что хотя от них подарки и приняли, однако их самих держат под стражей, на скудных кормах и донимают расспросами: «Зачем это русские люди строят на их землях крепости?», или: «Зачем князь Бекович собирает конницу?». Кроме того, стало известно, что хан разослал во все попутные кочевья приказ, чтобы не только ни в чем не помогали русским, а напротив того, собирались бы с силами и истребляли их всеми способами. Бекович не обратил внимания на эти угрозы. На седьмой неделе после Пасхи он поднял свой отряд, собранный под Гурьевым городком, в степной поход на Хиву. Не считая купцов, вожakov и прислуги, в отделе находилось 3000 войска, в том числе 2000 казаков, 400 человек пехоты, посаженной на лошадей, да 600 драгун.

Степные походы всегда считались и считаются теперь самыми трудными, как по недостатку воды, кормов, так и потому, что приходится идти без дорог, куда ведет вожак; снаряжаясь в степной поход, надо запастись всем, начиная с хлеба и кончая дровами.

Обремененный множеством верблюдов и повозок, военный отряд скорее похож на большой караван, который под прикрытием солдат, ползет медленно, с опаской. Невидимый противник следит за ним с боку или насаждает сзади, и хотя бы пришлось с ним встретиться, он при первой неудаче готов исчезнуть, – лови его потом в степи! Ночью неприятель может подползти к становищу, наделать кутерьмы или еще того хуже – отогнать верблюдов, лошадей: что тогда делать? Степной поход одинаково труден и летом, и зимой. В закаспийской степи нет ни высоких гор, ни лесов, отчего зимой случаются такие сильные бураны, которые срывают кибитки, разгоняют табуны, поднимают тучи снега, миглом заносят живые следы. Бывали примеры, что погибали целые аулы. Суровую зиму сменяет знойное лето; жара доходит до 45 градусов, что бывает лишь в Сирии, Африке да соседних с ними странах. В северной части степи еще растет ковыль, но чем дальше к югу, тем корма скуднее; голая накаленная земля кишит ящерицами, змеями, скорпионами и прочими гадами; чуть что – они исчезают, заползая в трещины.

Киргизы – главные обитатели закаспийской степи, ранней весной перекочевывают на север, к зиме же удаляются на юг, где нет страшных буранов. Смышленные азиатские купцы отправляли на север свои товары с весны, а возвращали их к зиме; им легче было нанимать верблюдов, потому что киргизы шли в ту же сторону. От Оренбурга до Хивы считается полторы тысячи верст, и малые караваны проходили иногда это расстояние за 30 дней. Сколько известно о походе князя Бековича, он также шел быстро. Так, на восьмой день он был уже на реке Эмбе, т. е. сделал более 300 верст. Видимо, он хотел нагреться на Хиву внезапно, или, может быть, хотел проскочить степью, пока еще не наступила знойная пора. За Эмбой отряд углубился в безводную пустыню, придерживаясь караванного пути, от колодца к колодцу. По недостатку последних, почти на каждой стоянке измученные люди брались за лопаты и копали колодцы; малейшее промедление могло погубить весь отряд. Были места, где приходилось копать по 20, 30 и даже 35 колодцев, каждый до 3 сажень. Почти на половине пути бывший караван-баша, или проводник отряда, по имени Кашка, да еще десять калмыков тайно покинули лагерь и скрылись; некоторые из них вернулись в свои кочевья, а другие, как увидим, пробрались в Хиву. Ходжа Нефес, бывший при отряде, повел его дальше. За 8 дней пути от Хивы Бекович выслал вперед сотню казаков с дворянином Корейтовым, чтобы уверить хана в своей дружбе. Тогда и хан Ширгазы отправил на встречу двух хивинцев с подарками: кроме овощей и фруктов – обычный подарок в Хиве – хан прислал коня и халат. Приняв подарки, Бекович еще раз повторил перед послами, что он идет не войной, а мирным послом своего Государя, а зачем идет, то об этом скажет самому хану.

Под праздник Успения, на 65-й день похода, русский отряд стал в пределах ханства, на урочище Карагач, верст за полтора от города Хивы.

На этом месте, по приказанию царя, надо было выстроить укрепление, а потом отвести реку, пустив ее по старому руслу на Каспий. Страшный путь был пройден; он обозначался трупам палых верблюдов и лошадей. Даже привычные к степным походам казаки так измучили своих коней, что те едва волочили ноги. Здесь же кругом росли деревья, зеленели поля, воды было вдоволь. Русский солдат скоро забывает все невзгоды, как бы ни были они тяжки. Он забывает их после трудных подъемов на обрывистые скалы и снежные вершины; он забывал их после опасного спуска с обледенелых высот, окруженных пропастями. Так же было и теперь, когда осталась позади знойная пустыня, с ее жгучим ветром, раскаленными песками и муками жажды. Седые ветераны обмылись, отдохнули и мало-помалу разговорились о том, что ждет их впереди – почетная ли встреча, или битва с трусливым хивинцем? Загорелые, суровые, изможденные долгим страданием лица осветились улыбкой, начались шутки, смех и веселая перебранка; немного погода зазвучала русская песня, впервые огласившая тихие, сонные берега мутной реки. Страдальцы надеялись, что они попируют в ханских шатрах, а их ждал кровавый пир, подготовленный изменой...

Калмык Кашка, тот самый, который покинул отряд, перебежавший в Хиву, успел настроить хана против русских. Дворянин Корейтов со всеми казаками были заключены в тюрьмы; все кочевники, подвластные Хиве, получили приказание спешить на защиту страны. Скоро разошелся слух, что хан собрал сто тысяч войска, и этот слух проник в лагерь, на Карагач. Бекович расположил свой отряд тылом (спиной) к реке и на всякий случай оградил стоянку повозками, арбами – всем, что составляло его обоз.

Неприятель не замедлил явиться: густая толпа конницы помчалась с места в карьер и, по мере приближения к отряду, вытягивалась в ленту. Вот впереди на своих лихих аргамаках несутся туркмены, в руках у них сверкают острые как бритва дамасские сабли; за ними – хивинцы в высоких бараньих шапках прилаживают на всем скаку стрелы; там – неуклюжие киргизы и каракалпаки, выдвинув свои длинные-предлинные пики, с широкими ножами с боку... Густые облака пыли скрыли на время эту дикую атаку; раздался дружный залп из ружей и орда рассыпалась. В азиатских войнах первый удар решает дело; стойкость всегда берет вверх над пылкостью всадников. Еще несколько атак и хивинцы отошли версты за две, охватив русский отряд полумесяцем. Положение последнего становилось опасным: припертый к реке, за 1400 верст от границы, без надежды на помощь – было о чем задуматься! В одну ночь русские насыпали валы, втащили 6 пушек и стали за ними, готовые умереть. С раннего утра нападения возобновились. Лихие туркмены всегда неслись впереди, прикрывая толпы пеших, которые рассчитывали вскочить на вал. Выпустив тучу стрел, туркмены очищали фронт, но тут раздавался залп картечью<sup>1</sup>, за которым слышались стоны, проклятия – и поле очищалось. У хана было войска до 20 тысяч. Он высылал новые толпы... Неустанный бой продолжался до вечера. Кучка бойцов, запертых в окопах, изнемогала от усталости, от жажды; некогда было воды напиться, солнце жгло немилосердно, ветер поднимал облака язвительной пыли и мелкого песка; ружья до того накалились, что их нельзя было держать в руках.

Еще прошла тревожная ночь, никто не уснул ни на минуту, каждый задавал себе мучительный вопрос: «Что же будет завтра?» – А завтра было то же, что и сегодня. Хивинцы никогда еще не встречали такого сопротивления. Они никак не могли поверить, чтобы эта горстка «урусов» могла устоять против всей их рати! Однако, это было так, и на 4-й день в лагерь явился хивинец Ходжа Ишим, который объявил, что хан желает мириться, что нападение на русских сделано без его ханского ведома. Пока шли переговоры, Ширгазы собрал в своей ставке знатнейших сановников и тут-то его казначей подал коварный совет заключить с русскими мир, а потом их истребить. Сейчас же были отправлены к Бековичу два знатных хивинца, Ходжа Назар и Кулумбей, для подписания мирного договора. Они целовали Коран, Бекович присяг-

---

<sup>1</sup> Картечь – круглая желянка, наполненная крупными пулями; стреляют на близком расстоянии.

нул на кресте. На другой день князь Черкасский, окруженный дворянами и сильным конвоем, выехал к хану как мирный посол русского царя. По азиатскому обычаю, его сначала угостили, дали отдохнуть, а потом повели в ханскую ставу. Вручив царскую грамоту, Бекович поднес в подарок цельные сукна, сахар в головах, связки соболей, серебряные блюда, тарелки, ложки и разную мелочь. Хан принял русского посла очень ласково, уверил в своей дружбе и сам целовал Коран, что будет сохранять мирный договор. Прием закончился дружелюбным пиром, во время которого играли наши музыканты. После того, Ширгазы со всем войском и с конвоем Бековича поднялся в свою столицу, а в русский отряд было послано приказание следовать сзади. Не доходя двух дней до Хивы, хан потребовал, чтобы русский начальник разделил свой отряд на части, иначе, говорит, хивинцы не могут его продовольствовать. Бекович, ничего не подозревая, послал приказание старшему из офицеров, майору Франкенбергу, чтобы тот, разделив отряд на пять частей, позволил развести их по разным городам, сам Бекович, оставил при себе только 200 человек, остальных отпустил с ханским чиновником. Между прочим, майор Франкенберг, получив приказание через узбеков, с гневом выгнал их вон, со словами: «Наш начальник Бекович, а не хан!» Однако приказание было повторено два раза, и, наконец, получено предписание с угрозой, что если оно не будет исполнено, то виновный попадет под суд. Старый служака с горестью должен был исполнить приказание начальника, приказание, явно обрекавшее всех на гибель: узбеки повели русских на убой.

Еще не успел Бекович слезть с коня, после того как отпустил большую часть своего конвоя, как началось повальное избиение; немногие уцелели от кровавого побоища. Они-то и принесли на родину потрясающую весть: «Погиб, как Бекович», сохранилась на Руси поговорка. Его и нескольких офицеров зарубили на глазах хана саблями, после чего отсекли им головы, остальных сподвижников Бековича постигла такая же участь.

Совершив это злодейство, хан торжественно вступил в свою столицу. Адраские ворота были украшены головами князя Симонова и Экономова, голову же Бековича, как драгоценный подарок, отослали к Хану Бухарскому. Содрогнулся от ужаса владетель Бухары, не принял подарка и приказал спросить у Ширгазы: давно ли он стал людоедом? – Нашелся и в этом разбойничьем гнезде человек, который возвысил свой голос за правду. Это был айхун, глава всех мулл<sup>2</sup>. Ширгазы хотел дать своей столице зрелище казни: на главную площадь вывели 40 пленников – голодных, избитых до полусмерти и покрытых рубищами. Все было готово, толпы народа запрудили соседние улицы, плоские крыши домов покрылись высокими бараньими шапками, как в эту минуту предстал перед ханом высокий, худой и в зеленой чалме старик, украшенный длинной бородой. Айхун, весь дрожа от гнева, упрекал Ширгазы в вероломстве, в нарушении клятвы, данной перед Аллахом, чему поверили чужеземцы и доверчиво, как овцы, пошли на заклятие: «Зачем же отягощаешь свою совесть новым злодеянием?» – спросил проповедник, указав пальцем на кучку пленных, прижатых к столбам. Наморщились ханские брови, глаза заматали искры, однако он промолчал. Тогда айхун склонился с мольбой и долго его уговаривал освободить невинные жертвы. Хан приказал убрать орудия казни и накормить пленных, народ молча разошелся по домам.

После уже допытались, что Бекович в самый день выступления в поход узнал, что его жена и две дочери утонули в море. К тяжелому семейному горю прибавились душевные муки за судьбу доверенного ему отряда, изнурение от трудов и бессонных ночей, приведшие его к помешательству, и должно быть в болезненном состоянии он отдал приказ, погубивший и его самого, и верное войско. Говорили, что царь, умирая на смертном одре, завещал месть Хиве.

---

<sup>2</sup> Мулла – магометанский священник.

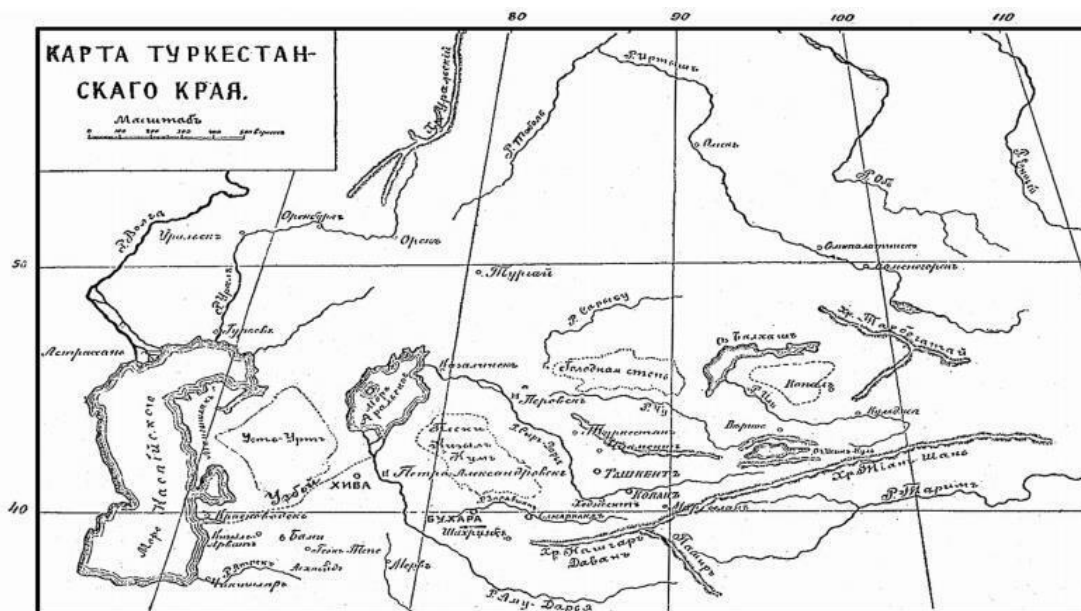
## II

Страна, известная под именем Хивы, тянется на 300 верст в длину и 80 в ширину по берегам реки Аму, или что то же Аму-Дарья. Она окружена бесплодными степями, в лучших местах которых кочуют подвластные ей в ту пору киргизы и каракалпаки около Аральского моря, а туркмены – возле Каспия. Во время частных разливов многоводная Аму поднимается выше берегов почти на сажень и тогда проникает в каналы, покрывающие всю Хиву, как сетка. Большие каналы, или главные, тянутся верст на сто; их называют «ханскими», остальные – «мирскими», или общественными. Вытянутую из каналов землю кладут по обе стороны, отчего образуются насыпи, валы, предохраняющие страну от наводнения. Каждый земледелец может напустить воды в свой сад или в свое поле, для чего ему стоит только раскопать отверстие или открыть заслонку в деревянной трубе, проложенной по насыпи. Благодаря такой искусной системе орошения, сухая, бесплодная почва Хивы покрыта роскошной зеленью, фруктовыми деревьями, обильна водой. Богачей там мало; большинство землевладельцев владеют куском земли в 3–4 десятины, обрабатывая их своей семьей с помощью одного или двух работников. Почти каждый хозяин обносит свой двор высокой глиняной стеной около двух саженей вверх и разделяет его на две половины. В передней, которая выходит на дорогу, стоит дом для приема гостей и разные хозяйственные пристройки; на задней стороне – дом для жилья, кладовая и, если место высокое, ямы для зерна. Дома кладут также из глины, с плоскими крышами и отверстием для дыма. Земляной пол устлан коврами или же кошмами (войлок), посередине – яма для огня; убранство, сходное с киргизским: прямо против дверей стоит под стеной сундук, сверх которого развешена одежда, направо и налево – полки с посудой. Позади двора у каждого хивинца разведен плодовый сад, где, кроме наших фруктов, зреют абрикосы, персики, гранаты, шептала, урюк (абрикосы), виноград. По вечерам там слышен соловей, поющий среди роз. Хивинцы живут особняком, по 2–3 родича-соседа, и такими заселками, или хуторами, покрыта вся Хива; больших селений, или что тоже, городов, у них мало, да и города какие-то особенные: простоит несколько десятков лет, потом разойдется, точно кочевье.

Сухопутное сообщение в стране хуже которого не бывает: дороги или грязные, или по колено пыльные и всегда узкие, так что разъехаться двум арбам дело не легкое; через большие канавы перекинута дрожащие мостики, а малые арки переезжают прямо в брод. Хивинцы чаще всего путешествуют верхом. Воды же они не любят, даже боятся. Как только, бывало, русские поднимут на реке парус и лодка начнет двигаться, хивинцы падают на землю с криком: «Шайтан! Шайтан!» (черт). Однажды (1858 г.) наш смелый моряк Бутаков неожиданно подошел на всех парах к хивинскому городу Кунграду и стал на якорь. Все население так было напугано, что разбежалось и только самые смелые спрятались в камыши, откуда высматривали с любопытством, что делает русский «шайтан». На обратном же пути множество народа, подобрав халаты, бежало берегом, пока пароход не скрылся. Настоящего бичевника на Аму, как, например, у нас на Волге, нет: тянут лодку с грузом бурлаки через кусты, через промоины; прилягут отдохнуть – их заедают москиты. Правый берег Аму, который нынче принадлежит России, издавна служит перепутьем для караванов, идущих из Кокана и Бухары в главные рынки оазиса. Было время, когда по обоим берегам Аму, теперь пустынным и малонаселенным, царил судоходство — сновали гонцы, двигались отряды, выступали тысячи верблюдов с тюками дорогих товаров: то процветал Ховарезм, могущественное государство Средней Азии; река Аму-Дарья несла в ту пору свои воды прямо в Каспийское море. Помимо торговли и воинской доблести, страна славилась своими школами, из которых выходили ученые, известные всему миру. Всего это погибло под руками безжалостных монголов. Последний владетель Ховарезма, покинув семью и все свои несметные богатства, нашел приют на одном из пустынных островов Каспийского моря, и полководцы Чингисхана, преследуя его, в первый раз появились на окра-

инах русских земель. Несколько позже, когда монголы уже успели поработить русскую землю, купцы из Ховарезма взяли у ханов на откуп сбор дани с наших предков. На Руси их называли «бесерменами».

Малую частицу могучего Ховарезма и занимает нынешний хивинский оазис; лет приблизительно через 300 после татарского погрома оазис захватили кочевники-узбеки, настоящие хозяева Хивы. Давным-давно исчезли те добрые нравы, гостеприимство, прямотушие и честность, которыми отличались жители Ховарезма; с воцарением узбеков страна стала разбойничьим притоном; все беглецы, бродяги окрестных пустынь находили в Хиве радушный прием. Нравы сделались жестоки. Торговля упала, обмен товаров стал ничтожным.



Карта Туркестанского края

Наши пленные прозвали Хиву «маятной» землей, потому что там нет такого перерыва в работе, какой делает русская зима. С осени готовят позем для удобрения полей – это смесь песка с землей и навозом; ранней весной начинается очистка канав. На ханские канавы выгоняют все мужское население, причем ленивых работников забивают палками до смерти. Покончив с канавами, вывозят на поля позем в размере от 300 до 1000 возов на нашу десятину, смотря по назначению поля. Под хлопчатник почти не удобряют, а под рис вместо позема кладут ил из канав. Некоторые поля, например, под пшеницу, дыни, джугару, рис, перепахивают до десяти раз и по несколько раз напускают воды. Для хлопчатника, кунжута, из семян которого делают масло, для кукурузы и проса сначала напускают воду, а потом уже сеют, 2–3 раза запахивают и наконец боронят. Пшеницу хивинцы сеют осенью, а марену, что идет на приготовление краски, и кормовую траву люцерну – во всякое время года. С половины лета начинается уборка хлеба, которая с молотьбой тянется почти до декабря; потом – приготовление позема, расчистка канав и так круглый год. Земля родит там хорошо: пшеницы дает сам<sup>3</sup> шестьдесят, рис сам сорок, десятина хлопчатника дает до 75 пудов превосходного хлопка, кроме семян, из которых выжимают масло; джугара в хороший год родит сам триста. Зерна джугары заменяют овес, а стебли – сено. Климат в Хиве вообще здоровый; кроме горячек и лихорадок, да и то от неумеренного употребления фруктов, других болезней не знают. Народ там рослый, видный

<sup>3</sup> Сам – старая и точная крестьянская оценка урожайности. Во сколько раз собрал больше, чем посеял, такой и сам. Например, для картофеля средненижний урожай сам шесть: ведро посадил – шесть ведер выкопал, выше этой нормы – урожай хороший, сам десять.

и сильный, многие старики доживают до 100 лет и более. Зима в Хиве короткая, снег, если и выпадает, лежит дня 3–4, но Аму замерзает почти ежегодно, иногда на полтора аршина.

В каждом местечке бывают базары, на которых можно купить все, начиная с верблюда и кончая серпом. Под широкими навесами сидят невозмутимо, поджав под себя ноги, купцы с товаром, провожая глазами пеструю снующую толпу. Тут в темном проходе между двумя рядами торгашей, покупают и продают, пьют и едят, кричат и важно беседуют, протискиваются конные и пешие – сутолока базарная, чисто восточная. Базар для восточного человека любимое развлечение: он тут узнает все новости, распоряжения властей, цены на хлеб; одна и та же весть с быстротой хорошей почты пролетает страну, благодаря базарам. А хивинцы, как и все азиаты, очень любопытны. Из русских товаров в Хиву требуется: железо и чугун – для изготовления оружия, серпов, сошников, заступов; квасцы и купорос для окраски материй, наконец – посуда, сахар, кожи, ситцы, сундуки, самовары, замки. К нам же привозят пшеницу, марену, бумажные материи, превосходные дыни, яблоки. В Хиве всякий волен торговать, лишь бы исправно платил подати и выставлял работников на очистку канав. У них только «ходжи», как потомки Магомета не платят податей и свободны от повинностей; живут они особняком, передавая свои права по наследству.

Хивинцы благородного происхождения носят название узбеков: это потомки завоевателей, которые захватили себе лучшие земли и наживные места, остальное население Ханства называется сартами: это землевладельцы, торгаши. В ту пору был еще многочисленный класс рабов и невольников. Как узбеки, так и сарты одинаково трудолюбивы, выносливы, но в то же время лукавы, корыстолюбивы и жестоки; подозревая европейцев в шпионстве, они скрытны и никогда не скажут правды. Узбека можно отличить, как по его смуглой физиономии с острыми скулами и черной бородой, так равно и по одежде. Узбеки носят конические меховые шапки, неуклюжие из юфти сапоги; летом – длинную рубаху. Женщины носят на голове тюрбан из 15 или 20 бумажных платков, закутанные в толстую одежду, в тяжелых сапогах, они исполняют всю домашнюю работу. В самый томительный зной должны таскать воду в огромных кувшинах. Женщина – тот же вол, на котором работают без отдыха, в полевых работах она должна помогать мужу, ходить за собаном (в роде нашей сохи) или стоять на бревне, которым боронят землю. Мало-мальски зажиточный узбек ничего не делает, разъезжает по базарам и вообще редко сидит дома; узбеки большие охотники до музыки, и во всем Туркестане нет таких музыкантов на дутаре (гитара в 2 струны) и кобосе (лютня), как в Хивинском оазисе.

До прихода русских Хива считалась самым выгодным рынком для сбыта пленников. Туркмены, киргизы, калмыки – все кочевники промышляли этим выгодным ремеслом. Еще до царя Петра Великого калмыки выгнали на правом берегу Волги более 100 сел; все население было тогда продано в рабство. Один итальянец, побывавший в Хиве и Бухаре, говорил нашему царю, что в тех местах более 5 тысяч русских томятся в неволе. Когда калмыки смирились, их дело продолжили туркмены и, можно сказать, до последнего времени. Незадолго до похода Перовского, о чем будет рассказано ниже, в одной Хиве насчитывали около 3 тысяч русских пленников. Разбойники, захватив рабочих где-нибудь в степи или на морском промысле, связывали по несколько человек и будучи конные, подгоняли несчастных плетью или острым копьём, спеша поскорее укрыться. Многие падали от изнурения, таких бросали умирать в голодных муках и от жажды. Русские пленники ценились в Хиве дороже, чем, например, персияне, и некоторым из них удавалось занять почетное положение в Ханстве, но большей частью их назначали смотрителями над работами. Все же остальные – это люди простые, робкие, которые и попадали в рабство. Хозяева заставляли их работать с утра и до поздней ночи, за малейшую провинность били плетью, если хозяин замечал охоту сбежать, то подрезал у пленника икры, потом присыпал раны конским рубленным волосом. В жизни и смерти пленника хозяин был волен. Один русский пленник так рассказывал свое горемычное житье: «Каждому невольнику отпускается по пуду пшеницы пополам с землей и больше ничего, сам

смели, да еще фунтов пять отдай за помол. Много ли тебе останется!? Ни дров, ни щепы, ни досуга не дают. Дрова своруешь у соседей да печешь лепешки по ночам. Не украдешь – с голоду помрешь, надеть тебе нечего. Раз вышла старая ханша в сад, я и говорю ей: „Вам де, сударыня, кажись на нас бы и глядеть стыдно, ходим мы почитай нагишом, что же хан не оденет нас?“ – А она мне на это, Дего стыдно? На тебя глядеть, что на собаку, все одно: не одевшись она ходит”».

Таково-то жилось невольникам, остальным и того хуже. Хивинский народ нисколько не воинственный, хотя, подобно всем азиатам, имеет склонность к грабежу, к мелкому хищничеству. В случае войны хан приказывает объявить по базарам, что в назначенный срок и в таком-то месте собирались все записанные в войско, на добрых конях, с оружием, с запасами. Тогда начинаются сборы, обыкновенно довольно продолжительные, так что хан или же его брат, выступив в степь с ближайшим отрядом, со свитой, где-нибудь поджидает дней 15, пока соберутся остальные. В походное время войска не получают продовольствие, чаще всего случается, что 2 или 3 воина покупают верблюда, на которого вычат припасы месяца на полтора или на сколько там придется; бедняки возили свое скудное продовольствие на той же лошади, на которой ехали сами. Истребивши эти запасы, они жили воровством; резали по дороге чужих лошадей и скот. Лучшие стрелки, как в походе, так и в сражении, окружают хана, когда-то их насчитывалось около тысячи. Вообще хивинцы плохо стреляют, да и ружья у них были в ту пору такие тяжелые, что надо было класть их на подставку и воспламенять не курком, а при помощи фитиля. При войске обыкновенно следовало около десятка орудий, которые не заслуживали названия артиллерия. Для каждого пригоняли особые снаряды, причем их запикивали, обернув сначала войлоком или тряпками. Такие снаряды не попадали в деле даже на расстояние ста сажень, да это и не требовалось: хивинцы рассчитывали только напугать неприятеля громкой пальбой. Артиллерийскую прислугу составляли преимущественно русские пленники, а одно время начальником всей артиллерией был русский крестьянин, захваченный на рыбных ловлях в Каспийском море, его звали Лаврентьевым. Хивинцы потому доверяли русским, что они никогда не покидали своих пушек, как это часто случалось с храбрыми узбеками. Несмотря на то, что к хивинскому войску присоединялись подвластные хану кочевники – туркмены, киргизы, каракалпаки – это войско не могло удержать наступления русских, даже во время похода, а выдержать битву и того меньше, хотя хивинские ханы могли двинуть в поле от 20 до 25 тысяч всадников, вооруженных саблями и копьями.

Хивинцы бросались в битву запальчиво, но если встречали отпор, то обращались в бегство и уже были не способны повторить атаку. На все большие набеги высылались обыкновенно туркмены и киргизы. Храбрецы, или «батыри», получали от хана награды, смотря потому сколько он отрубит голов. Вот прибыла на площадь из дальнего похода сотня всадников. У каждого из них привязаны к луке седла или лошадиному хвосту по несколько пленников, через седло перекинут мешок с отрубленными головами. Прежде всего всадник сбывает пленных, потом развязывает мешок и высыпает головы к ногам приемщика, что это арбузы или картофель. Особые рабочие сносят головы в одну кучу, а храбрым воинам выдаются квитанции, по которым они и получают награды.

Хивинские ханы управляли страной, как им вздумается, не соблюдая никаких законов и даже нарушая обычаи. Были между ними и такие, которые не могли насытиться человеческой кровью, другие отличались жадностью к наживе и совсем мало таких, которые бы заботились о нуждах своего народа. Вот почему Хива была и остается страной самой невежественной, чего нельзя сказать, например, про Бухару. В Хиве нет и помина о любви народной к своему хану, повинуются ему только ради страха, и хан не в безопасности от своих подданных, хотя бы то были самые близкие ему люди, например: жены, его министры или родственники; особенно он должен остерегаться духовенства, которое зорко следит за использованием обрядов своей веры.

Чтобы попасть в жилище хана, окруженное двойным рядом стен, надо было пройти два двора: первый двор бывал обыкновенно наполнен сарбазами, т. е. пехотными солдатами, одетыми в красные бумажные куртки; второй двор просторнее первого. На одном его конце постройка в роде сарая, где заседают ханские советники, левее – караулка, в которой ожидают приказаний палачи и полицейские, а между обоими постройками – ханский дворец, такая же мазанка как и все жилища узбеков и так же разделяется на две половины – гарем и «селямлик» (приемная). Внутри дворца расстелены ковры, стоят диваны со множеством подушек, но больше всего сундуков с разным добром. Местопребывание повелителя Хивы можно узнать только потому, что в приемной с раннего утра толкутся придворные, состоящие в разных должностях. Главный смотритель за рабами и ханским столом называется достарханджи (что значит в переводе – расстилающий скатерть), потом – мехрем, в роде лакея, но на самом деле самый близкий к хану человек, даже подает ему советы по важным делам, еще несколько человек, из которых один готовит кушанье, другой подает его к столу, третий готовит чай, шербет (шербетши) и разные лекарства. Как только хан проснулся, к нему в спальню являются особые прислужники: стоя на коленях, один держит лоханку, а в это время «кумганджи» льет воду из серебряного кувшина, в то же время полотеник держит кончиками пальцев полотенце, которое он ловко набрасывает своему повелителю на руки; когда те двое исчезнут, особый цирюльник бреет голову, причем должен уметь искусно обжимать череп, что особенно любят жители Азии. Когда хан сильно утомлен делами, призывается костоправ, в обязанности которого потоптать коленями спину и вообще размять все члены хозяина. При наступлении ночи постельничий должен постелить войлоки или матрацы для ночлега. Великолепная верховая сбруя и оружие находятся под надзором казнаджи, при торжественных выездах он всегда сопровождает хана, и во главе его свиты идет скороход с султаном из перьев.

Ханская одежда, кушанье мало чем отличаются от одежды и пищи зажиточных узбеков. Хан носит такую же баранью шапку, сапоги, такой же ситцевый или шелковый халат, подбитый толстым слоем ваты и пригодный разве только для холодных стран Сибири.

Как и всякий правоверный, хан, вставши с постели до восхода солнца, должен молиться вместе со всеми, что продолжается около получаса. К утреннему чаю приглашаются ученые муллы, которые дают свои толкования на разные тексты священного закона. Если под мудрые толки случится хану вздремнуть, то муллы удаляются и это называется утренним отдыхом. По пробуждении начинается селям (прием) министров и разных чиновников: решаются государственные вопросы, например: как поступить с соседом, не сделать ли на русскую границу набег и т. п.; сюда же призываются беки, сборщики податей для представления отчетов. За малейшую ошибку в отчете можно поплатиться головой. Затем, хану подается завтрак, присутствующие должны почтительно стоять, а по окончании завтрака любимцы получают от хана приглашение сыграть с ним в шахматы. Так время проходит до полуденной молитвы. После этого намаза хан выходит на передний двор, садится на возвышение и начинается публичный суд: всякий волен принести жалобу, хотя бы из-за украденной курицы. Народ толпится у ворот – шум, гам, но впускают поодиночке. Бывали случаи, что жалобщик переспорит и самого хана, но за это одним кивком головы хан может приговорить другого к смертной казни. Палачи тут же приводят приговор в исполнение. Покончив с судом, хан едет прокатиться, но к солнечному закату ему надо быть дома, чтобы принять участие в общей молитве. Остальное время до ночлега хан проводит с самыми ему близкими. Подается роскошный ужин, появляются певцы, музыканты, только настоящего веселья там нет. Узбек слишком важен, чтобы веселиться, а тем пуще хохотать; всякие забавы, по его мнению, могут тешить только женщин или детей.

Жена хана не имеет никаких титулов, все ее отличие заключается в том, что ей прислуживают дочери чиновников; невольницы для нее набирались из пленных персиянок или покупались в Аравии. Свободой ханша пользуется меньше, чем жены других владетелей Востока. Обычай требует, чтобы ковры, одеяла, подушки, халаты и вообще все домашние вещи хана

были приготовлены руками жены. Если ханша захочет проехать в один из летних дворцов, то она выезжает не верхом, как это принято в Персии, а в размалеванном рыдване, обвешанном коврами. Впереди и сзади рыдвана едут несколько всадников с белыми палками. При проезде ее все поднимаются с мест и отвешивают низкие поклоны, хотя лица своей повелительницы не могут видеть из-за ковров. Лето ханское семейство проводит не в столице, а в летних дворцах, выстроенных среди садов, с бассейном воды, украшенных небольшими кусочками зеркал, что у хивинцев считалось большой роскошью, – таковы властители Хивы.

Сама она была страшна не войсками, а своей отдаленностью от наших окраин и тем положением, какое занимает, окруженная пустынями. В обитаемых же частях этих пустынь кочевали народы, платившие дань хивинскому хану и, следовательно, ему подвластные.

Царь Петр наметил вглубь Средней Азии два пути: один на Хиву, по которому шел Бекович, со стороны Каспия. Этот путь, как увидим был изведен еще раз. Другой путь – со стороны Сибири. Одновременно с Бековичем отсюда был также направлен русский отряд под начальством капитана Бухгольца, который на окраине киргизских степей заложил два укрепления: Ямышевское и Омское, ныне город Омск. В следующем году на Иртыше также была заложена Семипалатинская крепость, а в год смерти царя (1725) – Усть-Каменогорская крепость, в том месте, где Иртыш выходит из Алтайских гор. Линия иртышских укреплений ограждала край от набегов кочевников; вслед за войском и казаками шли земледельцы и селились навсегда под охраной крепостей. Наступая с двух сторон, подчиняя по пути кочевников, русские люди углублялись все дальше и дальше; лет через полтора они уже прямо столкнулись с Хивой, завладев ближайшими к ней путями. Только тогда наступил ей конец.

Лишь немногие люди способны глядеть вдаль веков, как бы указывая путь грядущим поколениям. Вот почему история признает таких людей великими, государственными людьми, причисляя к ним по всей справедливости и нашего царя – Великого Петра.

## Зимний поход графа Перовского в 1839–1840 гг

Первый русский отряд, отправленный в Хиву под начальством Бековича, был истреблен и это осталось без наказания, хивинцы стали с тех пор надменны и дерзки, несмотря даже на то, что наши Государя как бы желали забыть их вероломство. Хива превратилась в разбойничий притон, живший грабежом торговых караванов и ловлей людей в неволю. Когда киргизы, каракалпаки и ближайшие туркмены присягнули Белому Царю на подданство, хивинцы то силой, то хитростью вымогали у них подати, уговаривали их нападать на наши крепости, отгонять казачьи табуны или на взморье жечь наши суда. Русским караванам, куда бы они ни шли, было приказано следовать на Хиву, где их обирали, как хотели; те же караваны, которые надеялись миновать Хиву, подверглись разграблению, причем часть добычи всегда поступала в ханскую казну. А нужно сказать, что в это же самое время хивинские купцы спокойно торговали в России, их караваны ежегодно приходили и уходили с Оренбургской Линии.

С нашими чиновниками и послами в Хиве обходились в противность всем правилам, издавна признанным и между народами. В конце царствования императрицы Екатерины по просьбе самого хана в Хиву был послан ученый доктор Бланкеннагель. Помочь больной глазами ханше ему не удалось: оказалось поздно и доктор хотел было возвратиться, но его сначала задержали, а потом тайком приговорили к смерти, чтобы он не рассказал чего лишнего про Хиву. Узнав о злодейском умысле от наших пленных, доктор тайно бежал к туркменам. Другой раз был отправлен в Хиву с письмом от нашего министра Нессельроде один мусульманин по имени Мендиз Бенчурин, старик 70 лет. Министр требовал вознаградить наших купцов за ограбленные товары. Несмотря на седины единоверца, его продержали 4 месяца под стражей в «унизительном месте», после чего не выслушав даже зачем он прибыл, отправили обратно в Россию без всякого ответа. В 1833 г. оренбургским губернатором и командующим войсками был назначен генерал Перовский. В 18 лет он уже участвовал в Бородинской битве, при выступлении французов из Москвы попал к ним в плен, пешком, при обозе маршала Даву, прошел весь путь от Москвы и пробыл во Франции, пока не вступили туда русские войска; в турецкую войну 1828 г. Перовский был ранен под Варной пулей в грудь. Молодой, красивый, любимый солдатами, Перовский умел покорять сердца людей его окружавших, кроме того, был любимцем царской семьи. Его приводило в негодование, что кочующие за Уралом киргизы, наши подданные, при малейшей оплошности забирают в плен русских людей и тотчас продают их в Хиву, в вечную неволю. Промысел этот они производили совершенно безнаказанно, потому что всегда успевали скрываться вглубь необозримых степей. Старожилы рассказывали Перовскому, что когда император Александр I посетил Оренбург, что было в последний год его царствования, приехала поглядеть на Государя вдова офицера с двумя детьми. Помещения в городе не нашлось и она заночевала в тарантасе на берегу Урала, где ныне архиерейский сад. Ночью бивак вдовы окружила конная шайка киргизов; вдову схватили в одной сорочке, связали, перекинули через седло и бросились вплавь через реку, ни детей, ни прислуги киргизы не тронули. Пока люди опомнились и подняли тревогу, пока дали знать властям, а власти вырядили казаков, совсем рассвело, хищников и след простыл, они скрылись по направлению к Хиве. В этот же день в Оренбург прибыл Государь, и когда ему рассказали о печальном событии, он приказал приютить детей, а вдову выкупить на свой счет. Его преемник покойный Николай Павлович уже прямо разрешил ежегодно отпускать 3 тысячи рублей на выкуп пленных. Только эта мера несколько не помогла, потому что в Хиве отрубили бы голову тому хозяину, который согласился продать невольника. Спаслись же бегством, как мы видели, редко кому удавалось. Тогда Перовский присоветовал задержать всех хивинских купцов до тех пор, пока хивинцы не выдадут пленных.

По Высочайшему повелению летом 1836 г. в Астрахани и Оренбурге задержали более 500 хивинских купцов и товаров при них на миллиона полтора. Хивинцы взмолились и хан Аллакул выслал на первый раз 26 пленников, все они оказались старыми людьми, прожившими в плену по 30–40 лет, а один старик прожил 55 лет. За них вернули только пять торговцев. В следующем году хивинцы прислали еще 5, потом сразу 80, они прослышали о постройке в степи новых укреплений и приготовлениях к походу. Действительно, в это время уже состоялось Высочайшее распоряжение «О воинском поиске в Хиву, дабы принудить хана силой оружия выдать всех русский и доставить нашей караванной торговле полную свободу». После уже дознались, отчего хан так упорствовал: англичане обнадежили его помощью на тот случай, если Россия объявит войну.

Почти два года прошли в приготовлении к новому походу. За это время в степи выстроили два укрепления: одно на реке Эмбе, за 500 верст от Оренбурга, другое под названием Ак-Булак (Пять Ключей) за 175 верст дальше; их снабдили продовольствием и фуражом. Такие же запасы были доставлены в приморское укрепление Александровское, все это назначалось для отряда по пути его следования в Хиву. Однако предстоящий путь был мало известен. Почти перед самым походом инженер, который строил укрепления, вернувшись докладывал, что местность от Эмбы до Ак-Булака низменная, солончаковая, почва самая бедная и безводная. Как после оказалось и места для укрепления тоже выбрали неудачно: возле Эмбинского поста подножные корма были плохи, а в укреплении Ак-Булак вода для питья негодная. Дальнейший путь до Аму знали только по рассказам пленных: там предстояло подняться на Усть-Урт. Это плоская возвышенность до 100 сажень над уровнем моря, которая круто обрывается своими берегами, известными под названием «чинка».



Пехота Оренбургских линейных батальонов в зимней походной одежде.

*Пехота Оренбургских линейных батальонов в зимней походной одежде*

Перовский раньше так и наметил свой путь через Усть-Урт к берегу Аральского озера, оттуда чинком Усть-Урта на хивинский город Куня-Ургенч, всего 1320 верст.

Изменить намеченный путь уже было поздно, укрепления построены, сделано распоряжение о доставке в Ак-Булак припасов. Перовский рассчитывал там выждать, пока Усть-Урт покроется снегом и будет сделана разведка для подъема. Войск собрали больше, чем в экспедицию Бековича, а именно 3½ батальона пехоты, 2 полка уральских и 3 сотни оренбургских казаков, всего около 5 тысяч, кроме того, 22 орудия. Солдаты одеты по зимнему, каждому дали киргизский полушубок, куртку из молодых овчинок, теплую шапку и широкие длинные сапоги. Для подстилки, вместо постелей, заготовили войлоки, а чтобы было где укрываться от стужи – джу-ламейки или круглые войлочные палатки. Так как отряд поднимал с собой, кроме всего этого, боевые припасы, сено, овес и шестимесячный запас продовольствия, то согнали со степи более 12 тысяч верблюдов. Вьючили по 14 пудов на каждого: 7 пудов на одной стороне, 7 пудов на другой; два таких вьюка прикрепляли к верблюжьему седлу, после чего их покрывали войлоком. В тяжелые орудия, в арбы для больных и в бударки (крытые повозки) также впрягали верблюдов. Таким образом снаряжался огромный караван, тяжелый на подъем, грузный по ходу, это-то его и погубило.

14 ноября 1839 г. на городской площади Оренбурга собралось войско, выступавшее в поход. После молебна прочитали приказ Перовского:

«Товарищи! Нас ожидают стужа и бураны и все трудности дальнего степного и зимнего похода. Войска Оренбургского корпуса в первый раз выступают в значительном составе против неприятеля; Россия в первый раз карает Хиву, эту дерзкую и вероломную соседку. Через два месяца, даст Бог, будем в Хиве и в первый раз еще в столице Ханства перед крестом и евангелием русские будут приносить теплые молитвы за Царя и Отечество!

Честь и Слава всем, кому Бог привел идти на выручку братьев, томящихся в неволе!».

В тот же день началось выступление колонн, одна за другой; уральцы из Калмыковской крепости пошли прямо на Эмбу. Войска потянулись долиной Илека, причем каждая из четырех колонн шла особняком. Впереди ее авангард из сотни казаков, которые уже от себя отделял вперед и в стороны по три казака, версты две сзади – главная колонна, самая грузная часть. Впереди ее в одну шеренгу (линию) ехали 30 казаков, каждый из них вел свою «нитку» верблюдов, так назывался целый ряд верблюдов, привязанных один за другим и навьюченных чем-нибудь одним: одна нитка – овсом, другая – сухарями и т. д. За передними нитками шагали верблюды 2-й линии, за ней 3-й, а всего 90 ниток или 3 тысячи верблюдов в каждой колонне. Посередине верблюжьей колонны везли арбы и тяжелые пушки, тут же шла пехота и ехали казаки, выдвинувшиеся уступом. За версту вправо и влево – опять небольшая кучка казаков со своими передними и боковыми разъездами (одиночки). Наконец, версты две сзади – полсотни казаков в арьергарде, они должны были подбирать отсталых и беречь тыл колонны.

На первых порах все шло хорошо, стояла осенняя погода с легким морозцем, но уже на четвертый день похода задул холодный ветер и мороз усилился, а с праздника Введенья начались бураны (степные метели), которые стали постоянными спутниками отряда. Долиной реки Илека корма хотя и были прикрыты снегом, но неглубоким, так что прикармливая сеном, делали от 15 до 30 верст в день. По пути киргизских кочевков попадались стога сена, запасы дров, заготовленных еще летом; попадались плетеные заборы и крыши, как защиты скоту: по крайней мере, можно было укрыться, отогреться кашей или напиться горячего сбитня. За неделю до праздника св. Николая бураны забушевали во всю силу, степь завалило снегом на аршин глубины, морозы доходили до 40 °С при режущем ветре. Люди, измученные непривычной ходьбой по глубокому снегу, да еще с ружьями, ранцами, патронташами, скоро уставали и в сильной испарине садились на верблюдов, после чего скоро остывали, один отморозил себе руки, другой ноги. Начались болезни, в холодных войлочных кибитках резали отмороженные члены. Не лучше было и с верблюдами, пробивая ледяную корку, они резали себе ноги до

колен и если падали, то не могли подняться. Бедных животных бросали, а вьюки растаскивали запасливые казаки. Кули, веревки, каждую тряпку берегли на топливо. Накануне царских именин войска дошли до урочища Бишь-Тамак (Пять Устоев) за 250 верст от Оренбурга. Поставили походную церковь, чтобы на другой день отслужить обедню и молебен, но когда собралось начальство, пришел батюшка, то увидели, что долгой службы не выстоять: мороз 32 °С и ледяной ветер. Отслужили только краткий молебен о здравии Государя. Холод был такой, что у самых крепких людей захватывало дух. За урочищем Биш-Тамак раскинулась широкая киргизская степь без всяких признаков человеческого жилья. Кустики тальника уже встречались редко, камыш и того реже, для топлива приходилось дергать корешки. Не успела первая колонна отойти на 7, 8 верст, как рванул северный ветер, сразу все завертелось, в глазах затуманило, начался буран. Кто стоял против ветра, тот не мог дышать, потому что сжимало горло, холод пробирал до костей, зуб не попадал на зуб. Лошади и верблюды сбивались в кучи, всякий порядок исчез, движение стало невозможным. Буран бушевал всю ночь и стих на другой день только после полудня. Войска провели в это время в каком-то оцепенении.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.